ИЗДАТЕЛЬСТВО грамота

Манускрипт • Manuscript

ISSN 2949-3242 (online)
ISSN 2618-9690 (print)

2026. Том 19. Выпуск 5 | 2026. Volume 19. Issue 5
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): manuscript-journal.ru

RU

Общественная действительность личности в условиях цифрового капитализма

Трунов А. А.

Аннотация. Цель исследования – обосновать категорию общественной действительности личности для анализа исторических форм ее включения в социальные отношения. В статье выявлено различие между человеком как целостным существом, субъектом как формой его общественного существования и социальным присутствием, благодаря которому личность становится доступной для взаимодействия с институтами. Научная новизна заключается в том, что общественная действительность личности определяется как исторически сложившаяся форма социального присутствия, воспроизводимая практиками, институтами и технологиями, в которой распознавание человека связано с распределением прав, обязанностей и возможностей действия. В результате показано, что в условиях цифрового капитализма ее специфической инфраструктурной формой становится цифровой профиль. Он не тождествен личности и не сводится к набору эмпирических данных. Посредством цифрового профиля платформы идентифицируют и классифицируют человека, прогнозируют его возможные действия. Тем самым цифровая инфраструктура не только опосредует общественные отношения, но и участвует в их воспроизводстве, влияя не столько на убеждения человека, сколько на устройство той гибридной среды, в которой он живет и принимает решения. Показано, что цифровая инфраструктура может не только моделировать существующие практики, но и способствовать возникновению новых способов взаимодействия. При этом ни одна действующая система классификации не может считаться окончательным описанием общественных отношений или исчерпывающим условием их будущего развития.

EN

The social actuality of the person under digital capitalism

A. A. Trunov

Abstract. This paper aims to substantiate the category of the “social actuality of the person” as a conceptual framework for examining the historical modes through which individuals are integrated into social relations. The work delineates the distinction between the human being as an integral entity, the subject as the form of their social existence, and social presence, by virtue of which the person becomes intelligible to institutional interaction. The social actuality of the person is defined as a historically constituted mode of social presence, reproduced through practices, institutions, and technologies, wherein the recognition of an individual is tied to the distribution of rights, obligations, and actionable capacities, which accounts for the scientific novelty of the study. As a result of the study, the author posits that under digital capitalism, this actuality finds its distinctive infrastructural manifestation in the digital profile. Far from being reducible to an aggregate of raw data or synonymous with the person itself, the profile operates as an apparatus through which platforms identify, classify, and anticipate human agency, thereby structuring the horizons of possibility available to the agent. Digital infrastructure thus not only mediates social relations but also participates in their reproduction, influencing not so much human beliefs as the architecture of the hybrid environment in which individuals live and make decisions. While these infrastructural arrangements both model existing practices and facilitate emergent forms of interaction, no existing classificatory scheme can be deemed an exhaustive account of social relations or a definitive constraint upon their historical trajectory.

Введение

Проблема человека и исторических форм его общественного существования занимает одно из центральных мест в философской антропологии (Проблема человека в западной философии, 1988; Гуревич, 2018; Heintzman, 2022). Классическая традиция связывала ее решение с категориями субъекта, личности, а также

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/mns20260299

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

институтов, которые раскрывают различные аспекты человеческого бытия в социальном мире (Кон, 1967; Гуревич, 2020; Gehlen, 1988). Цифровая трансформация общественной жизни ставит вопрос о необходимости корректировки сформировавшегося ранее категориального аппарата философской антропологии (Михайлов, 2015; Аликберов, 2023; Lazzarato, 2026).

Степень научной разработанности проблемы характеризуется формированием взаимосвязанных исследовательских направлений.

Первое включает в себя исследования экономических и политических механизмов цифровой трансформации общества. Эти механизмы рассматриваются в работах Н. Срничека (2020), Ш. Зубофф (2022), С. Пфайффер (2026), Ж. ван Дейка, Т. Пулла и М. де Ваала (Dijck, Poell, Waal, 2018), Д. Чандлера и К. Фукса (Chandler, Fuchs, 2019). В отечественной литературе различные аспекты цифровизации общественных отношений, алгоритмической рациональности и цифрового общества представлены в публикациях Р. В. Пеннер (2026), Р. В. Новицкой (2023), А. В. Тимофеева (2025) и других исследователей. Перечисленные авторы демонстрируют возрастающую роль цифровой инфраструктуры, однако сосредоточены главным образом на технологических и социально-философских аспектах происходящих изменений.

Второе направление образуют исследования цифровой алгоритмической индивидуации (Bernard, 2019; Moeller, D'Ambrosio, 2021; Romele, 2024; Armano, Briziarelli, Risi, 2022). В рамках данного подхода цифровой профиль рассматривается как форма публичной самопрезентации личности, результат алгоритмической обработки данных и механизм конструирования цифровой идентичности. При этом философско-антропологический статус цифрового профиля и его действительное место в трансформации общественных форм существования личности изучены далеко не в полном объеме.

Третье направление представлено системными исследованиями человека (Гуревич, 2020; Gehlen, 1988; Heintzman, 2022; Rukgaber, 2024). Актуальным дополнением к этой традиции выступают работы, которые фиксируют радикальную трансформацию категории субъекта (Труфанова, 2024; Суслов, Кныжова, 2026; Prodanović, Urošević, 2026). Существенное значение также имеют разработки Р. Ягги, которая рассматривает капитализм как специфическую форму социальной жизни (Jaeggi, 2018). При этом основное внимание попрежнему уделяется субъекту, сознанию, идентичности и деятельности, тогда как исторически изменяющиеся формы общественного существования личности и механизмы их воспроизводства практически не получили специального категориального осмысления.

Рассмотренные исследования фиксируют изменение способов включения человека в цифровые социальные отношения. Однако между их основными направлениями сохраняется определенный концептуальный разрыв. Теории цифрового капитализма и платформенного общества раскрывают организационную роль пользовательских данных, инфраструктур и алгоритмов, но оставляют на втором плане историческую форму существования человека в создаваемых ими отношениях (Срничека, 2020; Зубофф, 2022; Пфайффер, 2026). Исследования алгоритмической индивидуации описывают формирование цифрового профиля, не проясняя в полной мере его связь с институционально закрепленными возможностями действия (Bernard, 2019). Антропологические концепции задают пределы сведения человека к его цифровым характеристикам (Аликберов, 2023), тогда как анализ капитализма выявляет историческую обусловленность существующих форм социальной жизни (Jaeggi, 2018). При этом остается нераскрытым механизм, посредством которого распознавание личности преобразуется в распределение прав, обязанностей и возможностей. Для осмысления этой промежуточной области (то есть между человеком, действующим субъектом, цифровым профилем и фактическим положением личности в общественных отношениях в условиях цифрового капитализма) автором предлагается категория общественной действительности личности.

Для дальнейшего анализа также необходимо развести несколько близких, но не тождественных понятий. Человек в данной работе обозначает целостное существо, чье бытие не исчерпывается теми определениями, которые имеются в философии (Проблема человека в западной философии, 1988). Понятие индивид фиксирует единичность человека, то есть его существование как отдельного представителя человеческого рода (Кон, 1967, с. 6). Личность обозначает исторически и социально сформированную индивидуальность, включенную в систему норм, социальных ролей, ожиданий и отношений ответственности (Кон, 1967, с. 5, 40). Субъект характеризует прежде всего способность человека принимать решения и соотносить собственные действия с их основаниями и последствиями. «Субъект истории, – развивает эту мысль И. С. Кон, – тот же самый человек, который является ее продуктом. Индивидуальность, понимаемая не просто как совокупность единичных черт лица, а как интегрирующее, творческое начало, позволяющее ему не приспосабливаться к условиях, а создавать нечто новое, не имеет ничего общего с эксцентричностью» (Кон, 1967, с. 100). Одна и та же личность может выступать субъектом различных практик, а условия реализации ее субъектности историчны.

В силу указанных обстоятельств социальное присутствие обозначает тот конкретный способ, посредством которого человек становится доступным для взаимодействия с определенными общественными практиками и институтами. Общественная действительность личности фиксирует уже не саму возможность такого присутствия, а сложившуюся и воспроизводимую форму, в которой общественное распознавание человека приобретает практические последствия для его прав, обязанностей и возможностей действия.

Еще одно уточнение связано с цифровым капитализмом. В настоящем исследовании цифровой капитализм понимается как исторически конкретная форма организации экономических и социальных отношений, в которой цифровые технологии, пользовательские данные, платформы и алгоритмические системы становятся значимыми механизмами координации общественных процессов (Пфайффер, 2026). При этом основное

внимание автора сосредоточено не на цифровом капитализме как таковом, а на антропологических последствиях изменения способов социального распознавания человека в условиях тотальной экспансии алгоритмической рациональности.

В соответствии с этим в статье решены следующие задачи:

– реконструирована логика становления категории субъекта в контексте функционирования социальных институтов и практик модерна;

– раскрыто понятие социального присутствия личности как изменяющейся формы ее включенности в общественные отношения;

– обоснована категория общественной действительности личности;

– выявлено философско-антропологическое значение цифрового профиля как инфраструктурной формы общественной действительности личности;

– определены пределы объяснительных возможностей действующих систем цифровой классификации при анализе развития общественных отношений.

Методологическую основу исследования составляет философско-антропологический подход, позволяющий рассматривать человека в единстве практики, институциональной включенности и изменяющихся форм его общественного существования.

Принцип историзма используется для выявления зависимости категориального аппарата философской антропологии от динамично развивающихся форм общественной практики. Сначала с его помощью реконструируется переход от традиционных форм общественной включенности личности к субъектной форме, сформировавшейся в условиях модерна, а затем анализируется трансформация этой формы в условиях цифрового капитализма.

Метод категориального анализа применяется для выявления содержания, взаимосвязи и объяснительного потенциала основных концептов исследования («субъект», «социальное присутствие», «общественная действительность личности», «цифровой профиль»). Его использование позволяет установить различия между человеком как целостным существом, субъектом как формой его общественного существования в эпоху модерна и профилем как инфраструктурной формой общественной действительности личности в условиях цифрового капитализма.

Социально-философская реконструкция используется для восстановления взаимосвязи между изменениями общественной практики, формированием социальных институтов и трансформацией категориальных способов осмысления человека. Посредством этого демонстрируется то, каким образом развитие капиталистических отношений и институтов модерна создает предпосылки для доминирования категории субъекта и почему развитие цифрового капитализма приводит к возникновению новых форм общественной представленности личности.

Практическая значимость результатов исследования определяется возможностью использования предложенного категориального аппарата при философско-антропологическом анализе цифрового капитализма. Разработка категории общественной действительности личности позволяет уточнить методологические основания исследований цифрового профиля, инфраструктурных форм социального присутствия человека и трансформации общественных отношений в динамично меняющемся обществе, а также расширяет концептуальные возможности философской антропологии.

Обсуждение и результаты

Субъект в модерне

Категории философской антропологии не возникают спонтанно. Их содержание во многом определяется изменяющимися формами общественного бытия человека. Развитие философской антропологии оказывается одновременно процессом осмысления общественной практики, социальных институтов и формированием соответствующих концептов, посредством которых эта наука выявляет их действительное содержание.

Как полагал Л. Фейербах, «сущность человека раскрывается лишь в общности и единстве людей друг с другом» (Цит. по: Rukgaber, 2024, p. 24). Вследствие этого категория субъекта не является некой внеисторической абстракцией. Согласно аргументации А. Гелена, «человек в органическом отношении является недостаточным существом и именно поэтому открыт миру; иными словами, его выживание не находится в строгой зависимости от какой-либо конкретной среды» (Gehlen, 1988, p. 27-28).

В традиционном обществе человек существовал как участник устойчивых коллективных образований. Его общественное положение определялось происхождением, религией, сословной принадлежностью, корпоративной включенностью или же системой личных зависимостей. Общественная практика воспроизводилась через традицию, обычай, ритуал и другие непосредственные формы коллективной жизни.

В подобных условиях участие человека в общественной жизни осмыслялось его принадлежность к конкретным общностям и, конечно же, отношениям зависимости. «Присвоить волю человека, – комментирует эту ситуацию В. В. Крылов, – означало присвоить самого человека в качестве не субъекта, а в качестве части природы, в качестве предмета. Отношение индивидов, одни из которых отняли волю других, уже не есть отношение субъектов к субъектам, а есть отношение субъектов к предметам. То есть само социальное отношение принимало здесь вид отношения технологического» (Крылов, 2024, с. 145-146). Все это, однако же, вовсе

не исключало представлений о человеческой способности мыслить и действовать, но еще не делало универсальную фигуру автономного субъекта основным способом описания общественного положения человека.

Расширение рыночного обмена, разрушение сословных ограничений, формирование новых типов хозяйственных практик постепенно превращают рациональные действия в один из основных механизмов воспроизводства общественной жизни. Все большее значение приобретают договор, личная инициатива, профессиональная компетентность, способность самостоятельно принимать решения и отвечать за их возможные последствия. Эти изменения сопровождаются глубокими преобразованиями самого способа общественного существования личности в сторону повышения ее субъектности.

Модерн создает не только новые социальные институты, но и фундаментально трансформирует способы человеческого существования, формирует новый тип субъектности, ориентированный на автономию, творческую агентность, постоянную интерпретацию мира. Сущность модерна заключается не столько в институциональных структурах, сколько в специфическом человеческом опыте и воображаемом значении, которое наделяет взаимодействующих индивидов способностью постоянно переосмысливать условия своего актуального бытия. «Концептуально модерн отсылает к такой ситуации, в которой люди не принимают никаких внешних гарантов – то есть гарантов, которые они сами не постулируют, – для своего знания, политического устройства или способов удовлетворения материальных потребностей» (Wagner, 2012, p. 22).

При этом капитализм «накладывает отпечаток не только на экономические структуры, но и на то, как мы постигаем мир, на наше отношение к пространству и времени и на наше отношение к природе, причем так, что это затрагивает всю нашу жизнь в целом, а индивиды даже не осознают этот отпечаток как нечто специфическое» (Jaeggi, 2018, p. 36). Эта историческая трансформация получает классическое выражение в исследованиях последующей рационализации индивидуальной и общественной жизни. Они демонстрируют, что развитие капитализма сопровождалось формированием особого типа социального действия, основанного на дисциплине, последовательности, точном расчете и внутреннем самоконтроле (Тоуни, 2023). Конечно, «нельзя упускать из виду и обратную каузальную связь. Ибо в такой же степени, как от рациональной техники и рационального права, экономический рационализм зависит и от способности и предрасположенности людей к определенным видам практически-рационального жизненного поведения» (Вебер, 1990, с. 55).

Через категорию субъекта осмысляются образование, право, политика, мораль, хозяйственная деятельность. Историческая реконструкция категории субъекта позволяет связать ее возрастающее значение не только с внутренней логикой развития философской мысли, но и с изменением общественных практик модерна, в которых самостоятельное действие, договор и ответственность приобрели особую значимость (Гуревич, 2020, с. 161-184).

Эта же взаимосвязь сохраняется и позднее. Несмотря на принципиальные различия между марксизмом, структурализмом, постструктурализмом и феминистской критикой власти, вопрос о производстве и преобразовании субъектности остается для них весьма существенным. Субъект может пониматься как результат идеологической интерпелляции (Althusser, 2014), дисциплинарного воздействия (Фуко, 2002), дискурсивного производства (Laclau, Mouffe, 2001) или же гендерно организованных властных отношений (Батлер, 2002). Эти подходы по-разному описывают субъектность, но позволяют поставить общий для данной статьи вопрос: в каких формах человек становится участником общественных практик?

Быстрое развитие цифрового капитализма вносит в эту концепцию свои коррективы. Изменяются прежде всего общественные практики, основанные на непрерывном производстве данных и алгоритмической организации взаимодействий. Вслед за ними трансформируются социальные институты, которые все чаще опираются на цифровую инфраструктуру, автоматизированную обработку данных и вероятностное моделирование поведения индивидов. И лишь затем обнаруживается ограниченность категории субъекта (Труфанова, 2024). Поэтому возникает необходимость обратиться к той форме общественного существования личности, через которую цифровое общество по преимуществу взаимодействует с человеком.

Социальное присутствие личности

Цифровая трансформация не устраняет субъекта, но перестраивает способы его включения в социальные отношения через платформенные инфраструктуры (Prodanović, Urošević, 2026). Для анализа этих способов недостаточно ограничиться описанием сознания, деятельности или идентичности. Необходимо также учитывать, в какой форме платформенные инфраструктуры и алгоритмические протоколы делают человека распознаваемым в качестве участника взаимодействия. Речь идет не об отдельном свойстве индивида, а об отношении между ним, социальными практиками и правилами их организации в условиях цифрового капитализма (Prodanović, Urošević, 2026).

Дело в том, что общественные отношения всегда имеют дело с исторически определенными формами социального присутствия человека. Государство распознает человека как гражданина, система образования – как обучающегося или преподавателя, а платформа – как пользователя, действия которого соотносятся с определенным цифровым профилем. По сути, каждая эпоха вырабатывает собственные формы общественной представленности человека, через которые осуществляется его включение в систему конкретных взаимодействий. Поэтому следует различать человека как целостное существо, не сводимое к отдельной социальной роли, и исторически изменяющиеся формы, в которых он становится участником общественных отношений.

Вследствие этого социальное присутствие следует понимать не как физическое или информационное бытование человека в социальной среде, а как определенный способ его общественной доступности. Оно возникает

там, где существуют устойчивые формы распознавания, позволяющие включить человека в определенное взаимодействие, например, как гражданина, работника, учащегося, пациента, потребителя или пользователя цифрового сервиса. Социальное присутствие шире отдельной социальной роли, поскольку один и тот же человек одновременно находится в различных институциональных и символических порядках.

В силу этого он не совпадает с личностью как таковой, поскольку алгоритмы цифровых платформ фиксируют только те стороны человеческого существования, которые имеют значение для данного типа взаимодействия. «Платформы алгоритмически определяют интересы, желания и потребности каждого пользователя на основе широкого набора датафицированных пользовательских сигналов» (Dijck, Poell, Waal, 2018, p. 41). Персонализация сервиса, впрочем, не означает, что он обращается к личности во всей ее полноте. Как отмечает А. Ромеле, пользователи соотносятся с общими классами действий и предпочтений, на основании которых им предлагаются контент и товары (Romele, 2024, p. 3).

Однако распознавание человека через данные – это лишь один из возможных способов его включения в общественные отношения. В традиционных обществах важную роль играла принадлежность к общине, сословию или сообществу верующих. В обществах эпохи модерна – признание человека гражданином, носителем прав и обязанностей.

Для обозначения таких изменяющихся способов распознавания человека как участника общественных отношений в данной статье используется понятие социального присутствия личности. Безусловно, оно не заменяет более привычную категорию субъекта.

Общественная действительность личности

Чтобы понять, какие последствия имеет распознавание человека, необходимо рассмотреть правила и механизмы, связывающие его общественную роль с доступными ему действиями. В юриспруденции, образовании, экономике и цифровых сервисах человека распознают по разным критериям. От этого зависит, какие права, обязанности и возможности действия он получает.

Общественная действительность личности может быть определена как исторически конкретная, институционально закрепленная и технологически опосредованная форма социального присутствия, в которой способы распознавания человека получают устойчивое выражение в практиках и правилах взаимодействия и тем самым связываются с распределением прав, обязанностей и возможностей действия. Концептуальное содержание этого понятия раскрывается через четыре взаимосвязанных компонента.

Во-первых, общественная действительность исторична. Она зависит от конкретного устройства общественных практик и изменяется вместе с ними.

Во-вторых, она институциональна. Распознавание становится социально значимым постольку, поскольку закрепляется в тех правилах, нормах и процедурах, которые определяют положение человека в существующей системе отношений.

В-третьих, она технологически опосредована. Существующие формы общественного присутствия реализуются не только в результате взаимодействия человека с человеком, но и через документы, системы учета, информационные сети, цифровые платформы, алгоритмические процедуры.

В-четвертых, ее определяющим последствием является связь распознавания с распределением прав, обязанностей и возможностей действия.

Здесь необходимо различить распознавание и признание. Распознавание означает установление того, кем является человек для данной системы взаимодействия. Признание имеет вполне определенный смысл. В «Феноменологии духа» Г. В. Ф. Гегель пишет о том, что «самосознание есть в себе и для себя потому и благодаря тому, что оно есть в себе и для себя для некоторого другого [самосознания], т.е. оно есть только как нечто признанное» (Гегель, 2000, с. 97). Тем самым социальная определенность человека предполагает действительное отношение.

Цифровая система способна распознать и классифицировать человека, не вступая с ним в отношение признания в выявленном Г. В. Ф. Гегелем онтологическом смысле. Поэтому цифровое распознавание следует рассматривать как специфическую форму социальной представленности, последствия которой могут быть весьма реальными, хотя сама процедура не обладает структурой взаимного признания. Именно на границе между распознаванием и признанием возникает вопрос о том, каким образом смоделированное алгоритмами положение человека превращается в его действительное положение в обществе.

В условиях цифрового капитализма одним из механизмов производства общественной действительности личности становится цифровой профиль. Он не тождествен человеку и не исчерпывает всех форм его социального присутствия. Профиль связывает зарегистрированные действия и признаки человека с процедурами классификации, прогнозирования и распределения доступных вариантов взаимодействия. «Любое действие любого пользователя может быть зафиксировано, алгоритмически обработано и добавлено в его цифровой профиль данных» (Dijck, Poell, Waal, 2018, p. 34). Но профиль не только фиксирует конкретные действия. Используя его, платформа может определять, какие предложения показать пользователю и на каких условиях предоставить ему доступ. При этом результаты классификации влияют не только на описание пользователя, но и на условия его последующих действий.

Влияние профиля не ограничивается решениями платформы. Публичная представленность человека через профиль может воздействовать и на то, как он сам предъявляет себя. «Собственная личность понимается

как публично циркулирующий симулякр, привлекательность и ценность которого должны подтверждаться и укрепляться в непрерывном процессе» (Bernard, 2019, p. 129). «Предъявляя свои профили, люди сообщают другим и самим себе, кто они такие, и тем самым становятся за это ответственными» (Moeller, D'Ambrosio, 2021, p. 36). Институты модерна также распознавали человека через документы и разнообразные учетные категории. Особенность цифровой инфраструктуры заключается в том, что профиль непрерывно обновляется по следам реальных действий пользователя, а результаты классификации используются для изменения условий его последующих действий.

«Постоянная и всепроникающая датафикация повседневной жизни показывает, что платформы не раскрывают субъекта и не являются его материализацией в данных, а, напротив, реализуют форму алгоритмической индивидуации, выгодную согласно логике платформенного капитализма… Работа “машин профилирования”, по сути, состоит в производстве детальных и бесконечно изменчивых потребительских профилей, позволяющих предвосхищать будущие потребности индивидов, чья жизнь находится под постоянным наблюдением и присвоением» (Armano, Briziarelli, Risi, 2022, p. 156). Из этого следует, что между человеком как целостным существом и его инфраструктурным представлением сохраняется принципиальная несводимость. Она не только определяет антропологические пределы алгоритмической рациональности, но одновременно ставит вопрос о механизмах, посредством которых такое представление производится.

Инфраструктурное производство социальной видимости

В научной литературе инфраструктура длительное время рассматривалась преимущественно как совокупность материальных условий функционирования общества либо же как техническая основа социальных процессов (Бахтин, Кособуцкая, Дядюн, 2020). Цифровая трансформация позволяет сравнительно легко обнаружить другую сторону инфраструктуры. Она не только обеспечивает взаимодействие, но и участвует в организации условий, на которых человек включается в социальные отношения, информационный обмен и процессы принятия решений.

Все более значимую роль здесь играют цифровые платформы, алгоритмические системы, сетевые сервисы, распределенные базы данных, а также технологии непрерывного сбора и анализа информации. Цифровая инфраструктура не только поддерживает уже сложившиеся общественные отношения, но и участвует в их воспроизводстве. При этом способы регистрации и классификации действий человека влияют на условия его последующего взаимодействия с социальными институтами и другими людьми.

«Алгоритмическое производство субъективности представляет собой конкретный результат определенных реляционных сценариев, в которых каждый участник вносит свой вклад в коллективный момент. Работа платформ носит онтоформирующий характер: они очерчивают границы мысли и действия, а также определяют принадлежащие им субъекты и объекты» (Armano, Briziarelli, Risi, 2022, p. 3). При этом алгоритмические системы не имеют непосредственного доступа к убеждениям или переживаниям конкретного человека. Они оперируют признаками, доступными для цифровой регистрации. Поведенческие данные, сетевые связи, модели потребления, пространственная мобильность и коммуникативная активность становятся тем специфическим «материалом», на основе которого формируется цифровое представление человека для целей классификации и прогнозирования.

С помощью цифрового профиля различные элементы системы могут идентифицировать человека, согласовывать способы взаимодействия с ним, прогнозировать его поведение и изменять условия, с которыми он сталкивается при принятии решения. М. Лаццарато фиксирует важную закономерность: «Если дисциплинарные общества формировали тела, вырабатывая привычки преимущественно как телесную память, то общества контроля модулируют мозги и формируют привычки преимущественно как ментальную память» (Lazzarato, 2026, p. 47). В цифровой среде такое воздействие следует рассматривать не только в отношении привычек человека, но и применительно к устройству доступных ему вариантов действия. Как отмечают исследователи платформенного общества, «за этими онлайн-активностями скрывается система, логика и логистика которой не сводятся к простому посредничеству: они реально формируют то, как мы живем, и то, как организовано общество» (Dijck, Poell, Waal, 2018, p. 9).

Функционирование этого механизма можно проиллюстрировать на примере платформенного сервиса. Сведения о прежних действиях пользователя могут служить основанием для его отнесения к определенной категории. С учетом этой категории сервис ранжирует предложения, устанавливает условия доступа или выбирает, какие варианты показать прежде других. Тем самым пользователь функционирует в уже организованной цифровой среде, а результаты его действий вновь становятся данными для классификации. Это не исключает возможности отказа или неожиданного действия, однако демонстрирует уровень, на котором проявляется инфраструктурное влияние.

В рассмотренном случае воздействие осуществляется не только через обращение к убеждениям человека, но и через архитектуру цифровой среды. «Поскольку операторы платформ разрабатывают и контролируют интерфейсы, алгоритмы и потоки данных, которые обеспечивают и формируют обмен через инфраструктурные связующие элементы, именно они получают возможность устанавливать экономические правила игры» (Dijck, Poell, Waal, 2018, p. 40). Инфраструктурная власть не устраняет субъектность, но влияет на условия ее осуществления.

В реальности такое воздействие может оставаться малозаметным, поскольку пользователь сталкивается не с прямым предписанием, а с уже организованной последовательностью предложений и ограничений. Управление в этом случае смещается от непосредственного формирования убеждений к организации условий,

внутри которых совершаются действия. Так, Х.-Г. Мёллер, П. Дж. Д'Амброзио (Moeller, D'Ambrosio, 2021, p. 71) утверждают, что предиктивная реклама способна побуждать людей покупать новые товары и услуги и, что особенно важно, воздействовать на их электоральный выбор. Для настоящего анализа существенно, что воздействие связывается с отбором и предъявлением информации, а не только с открытым убеждением.

Как отмечает И. А. Шмерлина, «процедура в значительной степени снимает нравственные оценки ситуации, потому что трудно предъявлять моральные требования к существующему "порядку вещей"» (2022, с. 92). Это наблюдение позволяет уточнить, при каких условиях инфраструктурное воздействие приобретает идеологический характер.

Безусловно, классификация пользователя сама по себе еще не является идеологией. Она становится частью идеологического механизма только тогда, когда закрепленные в интерфейсе правила видимости, ранжирования или доступа воспринимаются как «естественный порядок», а не как результат алгоритмических решений, который можно оспорить. В этом смысле цифровой профиль связывает распознавание человека с организацией его повседневного опыта. Отнесение человека к определенной категории влияет не только на доступные ему действия, но и на то, какие сведения и возможности предстают перед ним как значимые или нет.

В ранее проведенном автором исследовании этот механизм был описан как «включение субъекта в определенный нормативный и смысловой порядок» через «алгоритмическую организацию среды коммуникации» (Трунов, 2026, с. 1394). Поясним эту мысль. «Алгоритм не говорит субъекту, каким он должен или не должен быть, но организует пространство взаимодействия таким образом, что определенные способы восприятия, оценки и действия становятся наиболее вероятными» (Трунов, 2026, с. 1394). В отличие от прямого обращения к субъекту инфраструктурная интерпелляция действует через условия, в которых он воспринимает ситуацию и принимает решения. При этом она, конечно же, не исключает возможности критического отношения к этим условиям.

Идеологическое воздействие как раз и закрепляется в самом устройстве инфраструктуры. «После дисциплинарной власти XVIII и XIX вв. и власти контроля XX в. траектория, начавшаяся на рубеже XXI в., по-видимому, привела к третьей форме власти, которую можно назвать превентивной властью или властью интернализации. Она обеспечивает ситуацию, при которой реестры данных и представления о нормальной жизни больше не должны устанавливаться внешними инстанциями, а, скорее, коллективно интернализируются» (Bernard, 2019, p. 128). Еще один аспект этой связи раскрывается в исследовании алгоритмического габитуса: «Цифровые машины суть машины габитуса, поскольку они активно и автономно производят социальные классификации и категории, как правило, на основе прежних, созданных человеком классификаций, которые, будучи переведены в формы алгоритмической кураторской обработки, встраиваются и телесно воплощаются в индивидах» (Romele, 2024, p. 3).

Из этого следует, что инфраструктура представляет собой исторически конкретный механизм производства общественной действительности личности. Она не исчерпывает иных практик и институтов, участвующих в этом процессе, но меняет способы распознавания человека и условия его действия. Поэтому анализ цифрового профиля необходимо продолжить характеристикой тех инфраструктурных форм, через которые организуется современное общественное существование личности.

Пределы цифровой классификации

«Когда мы начинаем размышлять о природе человека, наш временной горизонт обычно оказывается слишком коротким, как в прошлое, так и в будущее. И эти ограничения неизбежно искажают наше представление о человеке» (Heintzman, 2022, p. 13). Реконструкция категории субъекта демонстрирует очевидную связь философско-антропологических представлений с общественной практикой.

Однако признание их исторической обусловленности еще не означает сведения человека к тому способу общественного существования, который сложился в определенную эпоху. Практики и институты задают условия, в которых личность становится общественно распознаваемой и получает возможности действия, но человек не тождествен ни одной из признанных за ним социальных ролей (Кон, 1967, с. 12-17). Это несовпадение само по себе еще не гарантирует изменения существующего порядка, однако оставляет возможность его критики и последующего преобразования.

Именно здесь обнаруживается принципиальное различие между общественной действительностью личности и ее инфраструктурным представлением. Любая система распознавания действует посредством уже установленных различий и потому способна фиксировать лишь те формы социального существования, для которых у нее имеются соответствующие категории. Напротив, реальный человек, конечно же, может вступать в отношения, создавать практики и осуществлять действия, которые еще не получили институционального или технологического способа распознавания.

Предел цифровой классификации имеет антропологический характер. Вследствие этого новые общественные практики не только осуществляются в пределах уже доступных возможностей, но и могут изменять сами правила взаимодействия. Такое изменение не следует приписывать изолированному индивиду. Как раз наоборот, оно возникает в совместной деятельности людей, в том числе и тогда, когда привычные категории оказываются недостаточными для распознавания новых действий и отношений. Поэтому исторически сложившуюся форму общественной действительности личности нельзя принимать за окончательную.

Безусловно, цифровая инфраструктура способна не только воспроизводить сложившиеся социальные практики, но и участвовать в возникновении новых способов взаимодействия. При этом сами алгоритмические модели меняются вместе с общественной практикой. Такая адаптация, однако, сама по себе еще не ослабляет власть цифровых платформ.

Заключение

Проведенный анализ демонстрирует, что для исследования исторических форм интеграции человека в общественные отношения недостаточно ограничиваться категорией субъекта. В контексте цифрового капитализма она позволяет описать человека как носителя сознания и ответственности, но не раскрывает сама по себе, по каким правилам его распознают институты и как это связано с доступными ему действиями. Для выявления этой связи автором предложена категория общественной действительности личности.

Научная новизна исследования состоит в разграничении социального присутствия как возможности быть распознанным в общественных отношениях и общественной действительности личности как исторически сложившейся формы, в которой распознавание человека посредством практик, институтов и технологий связано с распределением прав, обязанностей и возможностей действия. Такое разграничение позволяет рассматривать цифровой профиль как одну из инфраструктурных форм общественной действительности личности.

В условиях новейшей трансформации капитализма сведения, связанные с профилем, используются для идентификации человека, прогнозирования его действий и организации условий взаимодействия с цифровыми сервисами по принципу алгоритмической петли. Инфраструктура не только опосредует уже сложившиеся отношения, но и участвует в их воспроизводстве. Ее воздействие не сводится к передаче убеждений или прямому обращению к субъекту. Архитектура цифровой среды, селекция контента и правила доступа также влияют на то, какие возможности становятся доступными человеку, а какие – нет. При этом инфраструктурное воздействие не устраняет его способности оценивать эти условия и действовать иначе, чем предполагает профиль.

По сути, цифровая инфраструктура способна не только воспроизводить сложившиеся социальные практики, но и участвовать в возникновении новых способов взаимодействия. Новые практики могут быть учтены системой классификации и встроены в ее механизмы. Их появление само по себе не означает автоматического ослабления инфраструктурной власти. Вместе с тем ни одну действующую систему классификации нельзя считать окончательным описанием общественных отношений.

Дальнейшее исследование может быть направлено на сопоставление исторических форм общественной действительности личности и выявление того, при каких условиях новые онтоформирующие практики меняют не только существующие подходы к классификации, но и распределение действительной социальной власти между участниками взаимодействий. Особого внимания при этом заслуживает вопрос о том, как люди могут оспаривать приписываемые им цифровые характеристики.

Источники | References

1. Аликберов А. К. Человек и история в цифровую эпоху: многомерный подход. М.: Наука, 2023.
2. Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции / пер. с англ. З. Баблояна. Харьков – СПб.: ХЦГИ; Алетейя, 2002.
3. Бахтин М. Н., Кособуцкая А. Ю., Дядюн И. А. Генезис и развитие понятия «инфраструктура» в работах зарубежных и отечественных исследователей // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2020. № 1. https://doi.org/10.17308/econ.2020.1/2747
4. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М.: Прогресс, 1990.
5. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / пер. с нем. Г. Г. Шпета. М.: Наука, 2000.
6. Гуревич П. С. Классическая и неклассическая антропология: сравнительный анализ. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Петроглиф, 2018.
7. Гуревич П. С. Философское толкование человека. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020.
8. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. А. Ф. Васильева; под науч. ред. Я. Охонько, А. Смирнова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022.
9. Кон И. С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967.
10. Крылов В. В. Производство. Власть. Собственность. Фурсов о Крылове. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2024.
11. Михайлов И. Ф. Человек, сознание, сети. М.: ИФРАН, 2015.
12. Новицкая Т. Е. Агентность и отчуждение в условиях цифрового капитализма // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2023. № 1 (269). https://doi.org/10.52065/2520-6885-2023-269-1-33
13. Пеннер Р. В. Из алгоритмической культуры в алгоритмическую рациональность // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2026. Т. 10. № 1. https://doi.org/10.17323/2587-8719-2026-1-169-188
14. Проблема человека в западной философии: переводы / сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. М.: Прогресс, 1988.
15. Пфайффер С. Цифровой капитализм и распределительные силы / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Павлова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2026. https://doi.org/10.17323/978-5-7598-4156-2
16. Срничек Н. Капитализм платформ / пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой. Изд-е 2-е. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.
17. Суслов И. В., Кныжова З. З. Идеология после исчезновения субъекта. Агентность и сети: кто производит смыслы сегодня? // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. № 3. https://doi.org/10.46539/gmd.v8i3.776
18. Тимофеев А. В. Человек в эпоху цифровизации: специфика экзистенции и коммуникации // Современные философские исследования. 2025. № 1. https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-1-64-74

19. Тоуни Р. Г. Религия и подъем капитализма: историческое исследование (лекции, посвященные памяти Генри Скотта Холланда, 1922) / пер. с англ. А. Апполонова и Т. Котельниковой. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023.
20. Трунов А. А. Убеждение без убеждающего: антропологические основы инфраструктурной идеологии // Манускрипт. 2026. Т. 19. № 3. https://doi.org/10.30853/mns20260178
21. Труфанова Е. О. Субъект: вызовы цифровизации // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2024. № 4. https://doi.org/10.46539/gmd.v6i4.525
22. Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с франц. С. Ч. Офертаса; под общ. ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2002.
23. Шмерлина И. А. Социология социальных форм: пересборка теории. М.: ФНИСЦ РАН, 2022.
24. Althusser L. On the Reproduction of Capitalism: Ideology and Ideological State Apparatuses. N. Y. – L.: Verso, 2014.
25. Armano E., Briziarelli M., Risi E. Digital Platforms and Algorithmic Subjectivities. L.: University of Westminster Press, 2022. https://doi.org/10.16997/book54
26. Bernard A. The Triumph of Profiling: The Self in Digital Culture / transl. by V. A. Pakis. Cambridge: Polity Press, 2019.
27. Chandler D., Fuchs C. Digital Objects, Digital Subjects: Interdisciplinary Perspectives on Capitalism, Labour and Politics in the Age of Big Data. L.: University of Westminster Press, 2019. https://doi.org/10.16997/book29
28. Dijck J. van, Poell T., Waal M. de. The Platform Society: Public Values in a Connective World. N. Y.: Oxford University Press, 2018.
29. Gehlen A. Man: His Nature and Place in the World / transl. by C. McMillan, K. Pillemer. N. Y.: Columbia University Press, 1988.
30. Heintzman R. The Human Paradox: Rediscovering the Nature of the Human. Toronto, Buffalo, L.: University of Toronto Press, 2022. https://doi.org/10.3138/9781487541521
31. Jaeggi R. Critique of Forms of Life / transl. by C. Cronin. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2018. https://doi.org/10.2307/j.ctv24w63s7
32. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. 2nd ed. L. – N. Y.: Verso, 2001.
33. Lazzarato M. Revolutions of Capitalism: The Politics of the Event / transl. by B. Whitener and G. Maher. Durham – L.: Duke University Press, 2026. https://doi.org/10.1215/9781478062219
34. Moeller H.-G., D'Ambrosio P. J. You and Your Profile: Identity After Authenticity. N. Y.: Columbia University Press, 2021. https://doi.org/10.7312/moel19600
35. Prodanović S., Urošević M. The algorithmic capture of subjectivity: visibility, modulation, and the rise of subject-users // Subjectivity. 2026. Vol. 33.
36. Romele A. Digital Habitus: A Critique of the Imaginaries of Artificial Intelligence. N. Y.: Routledge, 2024.
37. Rukgaber M. The Human as the Other: Towards an Inclusive Philosophical Anthropology. L. – N. Y.: Routledge, 2024.
38. Wagner P. Modernity: Understanding the Present. Cambridge – Malden: Polity Press, 2012.

Информация об авторах | Author information

RU **Трунов Анатолий Анатольевич**[1], к. филос. н., доц.
[1] Белгородский университет кооперации, экономики и права

EN **Anatoly Anatolyevich Trunov**[1], PhD
[1] Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

[1] *trunovv2013@yandex.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 23.10.2026; опубликовано online (published online): 25.11.2026.

Ключевые слова (keywords): общественная действительность личности; цифровой профиль; цифровая инфраструктура; трансформация субъектности; social actuality of the person; digital profile; digital infrastructure; transformation of subjectivity.